

Комаров Д.Е.

УДК 94(47).084.8

DOI 10.54016/SVITOK.2023.86.76.007

**БОРЬБА ПРОТИВ ПОСОБНИКОВ ГИТЛЕРОВСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ НА ОККУПИРОВАННЫХ
СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ 1941–1943 ГГ.
(на материалах Смоленской области)**

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об одном из основных направлений партизанской борьбы, нацеленной на борьбу с предателями и изменниками. Данные действия являлись важной составляющей борьбы по недопущению сближения мирного населения и захватчиков, а также срыву планов оккупантов в отношении экономического потенциала захваченных территорий. Делается вывод о том, что борьба против коллаборантов на оккупированной территории проводилась на основе традиционных для тоталитарной системы методов.

Ключевые слова: Смоленская область; Великая Отечественная война; партизаны; репрессии, коллаборанты, пособники.

Komarov D.E.

PhD in History, associate professor, K.G. Razumovski Moscow State University of Technologies and Management (Vyazma branch), assistant professor, Vyazma, Russian Federation,

**THE FIGHT AGAINST THE ASSISTANTS OF THE
HITLER INVADERS IN THE OCCUPIED SOVIET
TERRITORIES 1941–1943
(by the materials of Smolensk region)**

Annotation: The article deals with the question of one of the main directions of the partisan struggle, aimed at fighting traitors and traitors. These actions were the important component of the struggle to prevent the rapprochement of the civilian population and the invaders, as well as to disrupt the plans of the occupiers regarding the economic potential of the occupied territories. It is concluded that the fight against collaborators in the occupied territory was carried out on the basis of methods traditional for a totalitarian system.

Key words: Smolensk region; The Great Patriotic War; partisans; repression, collaborators, accomplices.

Войны исторически являются наиболее концентрированным и масштабным проявлением социального насилия. События Второй мировой войны явили миру беспрецедентные факты проявления насильственных действий, равных которым история не знала. Это не только кровавое противостояние на фронтах, это и геноцид в отношении отдельных народов, и бомбардировка Дрездена и атомные атаки на Хиросиму и Нагасаки и многие другие ужасающие факты, в результате которых человечество потеряло более 70 млн.

Наиболее ожесточенный характер и масштабы, насильственные действия приобрели на советско-германском фронте в период Великой Отечественной войны Советского Союза против нацистской Германии. Напомню, что по официальным данным советской стороны, СССР потерял в той войне до 27 миллионов своих граждан. В данную цифру входят как прямые жертвы боевых действий, так и косвенные, которые понес советский народ вследствие вражеской агрессии. Для советского народа данная война стала не просто очередным военным конфликтом в череде многочисленных войн, которые вела Россия на протяжении всей своей истории. Она стала поистине Отечественной, в ней решался вопрос не только о существовании самого государства, но и о судьбе и будущем народов, населявших СССР. Многочисленные факты военных преступлений и преступлений против человечности, многие из которых были озвучены на Нюрнбергском процессе, являются горьким наследием всего человечества и осуждены мировым сообществом.

Российскими и зарубежными историками за послевоенный период скрупулезно изучены многочисленные факты военных преступлений гитлеровских захватчиков и их пособников на оккупированной советской территории. В общей сложности из общего числа потерь, понесенных СССР в годы войны в 26,6 млн человек, 7,4 млн погибли на оккупированной территории. Однако, практически не изученным остается вопрос о репрессивно-силовых действиях советской системы на захваченной врагом территории, преследовавшей целью не допустить сближения жителей с оккупантами. Советскому государству, в отличие от других стран, подвергшихся нацистской агрессии, удалось выдержать первоначальный сокрушительный удар, создать единый фронт борьбы, задействовав все имеющиеся ресурсы для защиты своей свободы и независимости, а в конечном итоге и внести решающий вклад в полный раз-

гром захватчика. Безусловно, превращение в единый «военный лагерь» влекло за собой ужесточение политического режима. На кону стояло нечто большее, чем отдельные гражданские права и свободы — существовала реальная угроза полного порабощения и истребления советского народа. Все, что могло представлять собой угрозу военной и политической мощи страны, безжалостно пресекалось и уничтожалось.

Одной из таких опасностей был колоссальный экономический и демографический потенциал советских территорий, оказавшихся оккупированными гитлеровскими войсками к осени 1942 г. В планах нацистского руководства стояла задача скорейшего использования захваченных ресурсов для усиления рейха. Приведем краткую характеристику отдельных экономических показателей захваченных советских территорий.

Таблица 1

Отдельные показатели экономического развития районов СССР, подвергшихся оккупации в годы Великой Отечественной войны [11, с. 21–22]

	Всего по СССР на 1940 г.	В районах, подвергшихся оккупации	Процентное отношение
Население (млн человек)	190,7	84,9	45
Чугун (млн т)	14,9	10,6	71
Сталь (млн т)	18,3	10,5	58
Железная руда (млн т)	29,9	21,3	71
Уголь (млн т)	165,9	105,2	63
Посевные площади всех сельскохозяйственных культур (млн га)	150,4	70,8	47
Валовый сбор зерновых культур (млн т)	95,5	49,8	52
Подсолнечник (тыс т).	2636	1904	72
Картофель (млн т)	75,9	52,9	70

Даже с учетом широкомасштабной эвакуации населения, промышленных мощностей в глубь страны и разрушения объектов при отступлении, под властью захватчиков оказались колоссальные ресурсы. Особенно сельскохозяйственной и добывающей отрасли.

Планируя агрессию против СССР, руководство нацистской Германии разработало детальные планы по овладению и использованию экономического потенциала захваченных территорий, включая трудовые ресурсы. Так, подготовленные практически накануне начала войны «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» предписывали скорейшее использование «местных ресурсов» для усиления германской армии и германской экономики. В первую очередь это касалось захвата продовольствия и обеспечения бесперебойных поставок его в рейх [12, с. 367]. В 1939 г. продовольственный дефицит в Германии составлял около 6 млн т зерна и 600 тыс. т жиров. К лету 1941 г. нормы выдачи продовольствия в Германии сократились в сравнении с 1939 г.: по сахару — на 30%, мясу — на 40%, жирам — 22%, хлеб и картофель были строго лимитированы [13, с. 447–448, 450, 452]. Войска вторжения на 22 июня 1941 г. были обеспечены продовольствием только на 20 дней [2, с. 63].

Важнейшей задачей для советского государства стало недопущение возможности активного использования оказавшегося в руках захватчиков потенциала. Нам остается только догадываться, в какой степени мог усилиться военно-экономический потенциал гитлеровской Германии в случае полной реализации ее планов в отношении оккупированной территории. Важнейшую роль в этом играло советское население, попавшее под власть захватчиков. Отказ граждан от борьбы, а под властью захватчиков оказалось не менее 70 млн советских людей, лояльность к оккупантам и сотрудничество с ними могли иметь катастрофические последствия для Советского государства.

Предвидя в том числе и такое развитие ситуации, советское руководство практически с самого начала вражеской агрессии рассматривало вопрос о недопущении сближения мирного населения с оккупантами как один из основных. Уже в своем обращении 3 июля 1941 г. И.В. Сталин особо выделил следующую задачу: «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [15, с. 60].

Документы по Смоленской области свидетельствуют, что определенный крен населения в сторону сотрудничества с захватчиками, в силу многих причин, стал очевиден в первые же месяцы оккупации. Так, например, первый секретарь Духовщинского РК ВКП(б) Г.Ф. Цуранов, вспоминая о начальном этапе оккупации, отмечал: «В первое время крестьяне нас не поддерживали, большинство из них отшатнулось от нас (от партизан — Д.К.)... особенно свирепствовали люди в районе Басинского и Преображенского сельских советов. Под руководством фашистских холуев насе-

ление деревень Жуково, Навельнево, Кеново, Хмелевка, Цыганы ходили в облаву на партизан и коммунистов...» [7, л. 1]. В марте 1942 г. в докладной записке Смоленскому обкому Г.Ф. Цуранов отмечал: «В начале войны большая часть населения, поддавшись фашистским демагогам, симпатизировала немцам, как “освободителям” [7, л. 8]. Руководство Хватово-Заводского партизанского отряда в августе 1942 г. докладывало в Западный штаб партизанского движения, что в Семлёвском районе Смоленской области «... в условиях вражеского тыла... каждая деревня кишит немецкими шпионами, предателями нашей Родины». Подобная обстановка складывалась в Касплянском, Демидовском и других районах Смоленщины [17, с. 91].

Значительная доля сочувствующих новой власти была и в других оккупированных районах. Например, в своих воспоминаниях командир спецотряда, действовавшего в тылу группы армий «Север», В.И. Силачев отмечал, что население оккупированной части Ленинградской области в 1941–1942 гг. не только не оказывало сопротивления противнику, но и 80% советских людей во время оккупации, так или иначе, сотрудничали с оккупантами [10, с. 433].

На основании выше изложенного можно утверждать, что существовала определенная угроза укрепления авторитета новой власти, особенно при активном использовании «перегибов» советской системы и создании условий для сближения населения с оккупационной администрацией. В критических условиях начального периода войны (стремительное продвижение противника, захват огромных территорий, разгром значительной части Красной Армии) именно террор стал важным методом сдерживания коллаборационизма. В первую очередь он развернулся в сельских районах, так как именно захват продовольствия, являлся одной из основных целей захватчиков и сельские, лесные районы стали теми территориями, где ширилось партизанское движение.

На Смоленщине террор против лиц, сотрудничавших с оккупационными властями, развернулся уже зимой 1941–1942 гг. и стал одной из основных форм партизанской борьбы [9]. Для его реализации была сформирована необходимая правовая база. Во-первых, это статья 133 Конституции СССР 1936 г., где отмечалось: «Измена Родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние» [16, с. 244]. Во-вторых, директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей 29 июня 1941 г., в которой говорилось следующие: «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособни-

ков, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [8, с. 54]. Практически полностью данная установка будет продублирована в обращении к советскому народу И.В. Сталина 3 июля 1941 г. В-третьих, постановление политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18.07.1941 [1, с. 474–476].

Таким образом, можно утверждать, что репрессии и террор в отношении пособников и изменников на оккупированной территории были санкционированы государством, подкреплены необходимыми правовыми актами и являлись важным направлением общей стратегии борьбы с агрессором. На основании имеющейся нормативно-правовой базы законность данной формы борьбы на оккупированной территории не вызывает сомнения. Однако уместна постановка другого вопроса все ли действия по преследованию и уничтожению предателей и пособников являлись законными? Грань между законными и незаконными фактами борьбы против указанной категории граждан провести достаточно сложно. Причинами этого являются многие обстоятельства, среди которых выделяются следующие. Отсутствовало четкое юридическое толкование и разъяснение самих понятий «пособник», «приспешник», «предатель», что порождало произвольную их трактовку и интерпретацию, а в отдельных случаях произвол и незаконие. Большое значение в рассматриваемом вопросе играло изолированное положение партизанских отрядов и отсутствие прямого контроля за их деятельностью. Большая часть отрядов до весны 1942 г. вообще не имела связи с «Большой Землей». Кроме того, не имея четких руководящих установок и контроля «сверху», партизанское руководство зачастую принимало решения по аналогии с деятельностью властных структур до войны, в том числе и в годы Гражданской войны и в период 1937–1938 гг. Все перечисленное выше усиливалось бескомпромиссностью и жестокостью идущей войны, в ходе которой решался вопрос о самом существовании советского народа и государства.

Приведем отдельные примеры репрессивных действий партизан в отношении изменников и пособников. Так, руководитель партизанского отряда в Слободском районе писал, что в декабре 1941 г. его отрядом было расстреляно 27 полицейских в Гончаровской волости. Решения о «казни изменников» принимались партийными организациями отрядов или бюро подпольных райкомов, большая часть которых также функционировала на базе отрядов. [17, с. 101]. В Знаменском районе с 20 января по 4 февраля партизанским отрядом было расстреляно 27 предателей [3, л. 12]. В начале января 1942 г. партизанами и подпольщиками на территории Ельнинского и Дорогобужского районов было уничтожено значи-

тельное количество «ставленников фашистов», среди которых были комендант Мутищенской волости Фетцер, бургомистр Саполнов и др. Как свидетельствуют документы Западного штаба партизанского движения, на территории, впоследствии вошедшей в Дорогобужский партизанский край, такое направление патриотической борьбы, как «уничтожение ставленников фашизма», зимой-весной 1942 г. стояло на первом месте. Террором против ставленников новой власти было охвачено более половины районов юго-востока Смоленщины [5, л. 17].

Террор в отношении предателей и пособников в период оккупации развернулся на всей захваченной противником территории РСФСР и БССР. Например, партизанами Дятьковской бригады за период с апреля по декабрь 1942 г. было уничтожено 562 «полицая и предателя» [14, л. 79].

Детальное представление о предъявляемых обвинениях и социальном происхождении лиц, подвергшихся репрессиям, дает «расстрельный список» партизанского отряда им. С. Лазо, действовавшего в Ельнинском и Дорогобужском районах Смоленской области. Список датирован 11 апреля 1942 г., и в нем содержится информация о 52 расстрелянных, из которых 7 женщин, 13 старост и бургомистров, 5 полицейских, остальные — бывшие военнослужащие (надо полагать, дезертиры, отпущенные из плена и уклонившиеся от участия в партизанском движении — прим. Д.К.). В списке после каждой фамилии указано основание для вынесения смертного приговора. Приведем отдельные из них:

«Павлович Вера Алексеевна, полячка, жена военного коменданта Мутищенской волости, как шпионка...

Саполков, быв. кандидат в члены ВКП(б), бургомистр Мутищенской волости...

Фильченкова Акулина расстреляна за угрозу семьям партизан выдать их немцам...

Синюхин З.Е., сын старосты, расстрелян как антисоветский элемент...

Староста деревни Щербинино расстрелян за активную доставку всех немецких поставок и участие в грабеже населения...

Староста деревни Малеево расстрелян за умышленный обман командира партизанского отряда о местонахождении немецкого бургомистра...» [4, л. 65–68.].

Как видим, приведённые данные о расстрелянных советских гражданах дают основание утверждать, что совершенные ими деяния относятся к бытовому и административному коллаборационизму, и не имеют отношения ни к солдатам РОА, ни к карателям. Однако острота идущей борьбы накладывала свой отпечаток. В критических условиях войны и оккупации ценность

человеческой жизни упала до минимального уровня, главным являлось выполнение поставленной задачи и достижение высшей цели — победы в войне.

Литература

1. Насильственные действия и террор в отношении изменников и пособников оккупантов стали жестоким, но эффективным методом борьбы против коллаборационизма. Партизаны и подпольщики, являясь элементом советской системы на оккупированной территории, своими действиями формировали чувство неизбежного возмездия за измену и предательство. Наглядный результат этого направления партизанской борьбы приводит активный организатор партизанского движения в центральных и южных районах Смоленщины В.В. Козубский: «После избрания старосты вслед уезжающим немцам бежал и новый правитель, или он бежал к партизанам» [1941 год. В 2 кн. Кн. 2. — М., 1998. — 832 с.].
2. Анфилов В.А. Провал «Блицкрига». — М., 1974. — 616 с.
3. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8, оп. 1, д. 24.
4. ГАНИСО. Ф. 8, оп. 2, д. 92.
5. ГАНИСО. Ф. 8, оп. 2, д. 155.
6. ГАНИСО. Ф. 8, оп. 8, д. 51.
7. ГАНИСО. Ф. 1723, оп. 1, д. 2.
8. Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей 29 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. — С. 54.
9. Комаров Д.Е. Великая Отечественная война: боевые действия, власть, народные массы. Региональный аспект. 1941–1945 гг. (На материалах Смоленской области). — Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 2007. — 32 с.
10. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. — М. — СПб., 2002. — 447 с.
11. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистический сборник. — М., 1990. — 235 с.
12. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Том 4. — М., 1990. — 672 с.
13. Рикке Ганс-Иоахим. Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время войны // Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. — СПб.: Полигон, 1998. — С. 444–469.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). Ф. 69, оп. 1, д. 450.
15. Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. — М.: Писатель. 1997. — 248 с.
16. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991. — М., 2005. — 592 с.
17. Щеров И.П. Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945). — Смоленск, 2006. — 456 с.